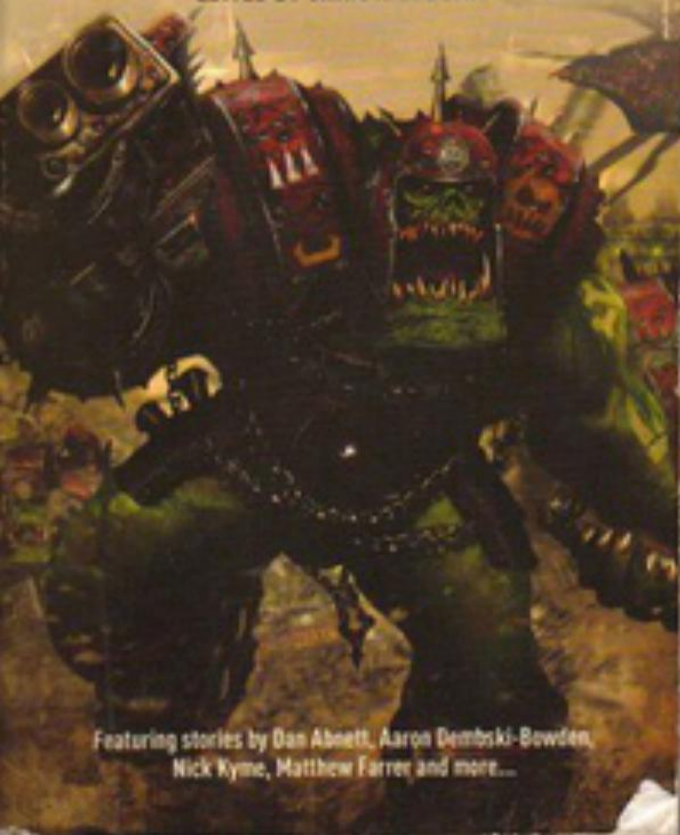

WARHAMMER
40,000

FEAR THE ALIEN

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

Featuring stories by Dan Abnett, Aaron Dembski-Bowden,
Nick Kyme, Matthew Farrer and more....

ЛИЦА

В конце концов Джанн не смогла
сдержаться и вернулась обратно.
Сгорбившись, она

прокралась в красноватую тень башни с
ржавым посохом из скрученного металла в
руке.

Воющая и грохочущая буря прошла два дня
назад, и, как бы Джанн не прислушивалась,
все,

что она могла услышать, — лишь тихий
хруст песчаных наносов под ногами и
собственное

дыхание, сухое и напуганное. В этот час,
под этим углом, башня даже казалась
лишенной

света глыбой черноты на фоне кровавого
неба. Ни движения, ни голосов. Даже
металлическая

грозда трубопровода была совершенно
безжизненна.

Во время шторма низко стелющиеся
ветра разгладили землю, и перед южной
дверью не было

иных следов, кроме следов Джанни.
Выписывая зигзаги и шатаясь из стороны
в сторону, они

вели из небольшого штормового люка и
исчезали за одной из опор гигантского
трубопровода,

в том месте, где она провела всю ночь,
съежившись и вздрагивая, оставленная на
тилоть

странных и гразнящих видений. Следы уже
более мягких и медленных шагов вели
назад из

укрытия и стелились за ней -- шагов
тихих, пытающихся красться, хотя

Джанн и знала, что от

этого не будет толку. Она должна войти
внутрь и найти их там -- их всех. Она
должна будет

показать свое... лицо.

Она тихо направилась к люку, сдвигая
перед собой посохом то в одну, то в другую
сторону,

пытаясь придумать, как бы лучше ит
взмахнуть, если один из них притаился

прямо за входом.

Там будет темно. Единственные части башни, которые когда-либо достаточно хорошо

освещались, — это диспетчерская наверху и жилой этаж. На какое-то мгновение эта мысль

почти что вызвала у нее облегчение. Она подумала о темных комнатах и залах, о темной

стране, которую она никогда не видела, и летела над ней в тихой вышине, и о чужих горах,

залитых серебряным светом... но этот образ разбил и исказил мысли, и силы на миг покинули

ее. Она чуть застонала и подняла лицо к небесам, но там не было белой луны, которая могла

бы ей помочь. Там должна была быть белая луна. Джанн никогда не видела луны какого бы то

ни было цвета, но там должна была быть белая луна.

Она отвела глаза от неба и на миг
замерла, колеблясь, на входе. Казалось,
будто она вот-вот

придет к пониманию того, что с ней
происходит, но она моргнула, вздохнула --
и все это

пропало, как
(лунный свет)

дым, уходящий сквозь пальцы, и Жанн
обнаружила, что проходит внутрь через
люк, тяжело

дыша, широко раскрывая глаза, так крепко
сжимая свой посох, что его потраченная
коррозией

поверхность взрызалась в лагерь. Она
подвинула его ближе к себе, как трость, на
которую

опираются при ходьбе, и это ее чуть
ободрило. Не драгоценная луна, но тоже
неплохо.

Грохот машин, скрытых в мощном
фундаменте башни, ритмично отзывался
в стенах. Это был

глубокий ритм, ритм для прогулки, для

медленного променада, пока еще не
настало время

танца. Скрытое значение этой мысли
бросило ее в озноб, но шаги, как раз в такт
машинам,

начали ускоряться. В крошечных клетках,
высоко на рокриловых стенах, горели огни
аварийного освещения, красные, как кровь,
стываемая с неба, желтые, как искры,
взрывающиеся с наковальни. Джанн больше
не знала, чьи это были мысли.

Вглядываясь в огни, она, как ей показалось,
почувала движение где-то в полутраке, но
проход

позади нее был пуст. Джанн повернула свое
(вправду ли свое?)

лицо назад, в залитый красным светом
коридор, и ускорила шаг.

Она нашла Галларди в машинном
святилище, как и рассчитывала. Он
разбил яркие

бело-голубые прожекторы, которые Токүин
всегда оставлял включенными для
освещения

зала, и теперь работал при том же
тусклом красном свете, как в коридорах,
через которые

прошла Джанн. Он распахнул заслонки,
через которые можно было попасть вниз, в
подземный инженерный, и шум машин
здесь был куда громче. Ревели тонки.

Вишнево-красным мерцали
энергопоглотители и изоляционные
трубки, добавляя свой свет и
жар. Воздух был чист, но чувства Джанн
говорили ей о легчайшей примеси дыма.

-- Брат? -- прошептала она. Галларди
стоял к ней спиной, его крупные плечи
ходили ходуном,

полное тело качалось и сгибалось там,
где жир свешивался над поясом. С другой
стороны

доносился звон металла о металл.

-- Брат?

В шуме святилища, исходящем от
механизмов внизу и полудюжины машин
Токүина, он никак

бы не смог расслышать ее шепот. Однако

Его тело дрогнуло при звуке ее голоса, и он обернулся. Добрый Галларди с толстыми руками и мягким голосом, с которыми они так

любили смотреть на закат с крыши башни. Он пел с ней песни (но какие песни? Почему она не может их вспомнить?) и... и танцевал... под шестью белыми лунами...

Но белых лун не было. Джанн никогда не видела луну. Она всхлинула и сделала маленький

шажок вперед. Ей нужен был ее друг, благословенно знакомый и родной. Его тонкие ноги,

которых он так стеснялся. Его брюшко со старым змеящимся шрамом, полученным от

расплавленного приюта за годы до того, как они впервые встретились. Его седая, бритая

голова и его... его...
...лицо.

В руке у него был молот, и он его поднял.

-- Я не могу приветствовать тебя так, как мне хотелось бы, моя прекрасная сестричка, -- сказал

он. Двигались ли его губы? На один миг Джанн поверила, что двигались, а затем -- что

все-таки нет. -- Ты -- всегда желанный гость в моем доме. Ты здесь в безопасности и знаешь

об этом. Но я должен работать.

Позади него раздался пронзительный свист. Оставшийся без пристотра преследователи резки стали

перезрелся и пытался отключиться.

-- Мы не в безопасности, брат. Ни ты, ни я! -- теперь она могла говорить достаточно громко,

хотя слова и казались ей странными -- высокими, невучими, почти что чужими. -- Это снова

происходит. Я слышала, как они дерутся наверху, на рабочем ярусе...

Ее память как будто поплыла, разбиваясь на части. Сцена драки между ее

товарищами

искажилась и наложилась сама на себя, как на пикт-экране, пытающемся показать сразу с

полдесятка изображений. Но каждое из этих изображений приводило ее в ужас. Она не хотела

их видеть.

-- Он знает! Он... -- она загнулась на имени.

Крусман. Он поднимался из каждого ее воспоминания, воняя дымом лху и кровью, стекающей по его комбинезону и капаящей с

руки. Один лишь его вид отзывался в ее разуме убийственным воплем, и все же она запиналась

на его имени, потому что не могла вспомнить...

(Крусман ерзал на краю водительского кресла в высокой, тесной кабине подъемного крана,

глядя на них сверху вниз.

-- Поднимается легко, как сон! -- воскликнул он, перекрикивая шум

двигателя и лебедки. --

Видно, какую трепку получила эта шутка. Кто знает, как далеко ее тащило бурей, пока она

не добралась досюда?

На его лице расплылась широкая радостная улыбка. Это был лучший штуртовой лот, который они когда-либо...)

-- Крүссман, -- наконец выговорила она, хотя, как ей показалось, она снова исказила слово,

сделав его каким-то коротким, горчатым. -- Он знает... о тебе. Он знает, что ты здесь. Он знает...

Знает, что ты сделал. Знает, где мы находимся. Знает, что он должен сделать. Знает, что

должно произойти. Ни один из ответов, которые возникали у нее в мозгу, не имел никакого

смысла. Откуда-то со стороны, казалось, слышались легкие, как дуновение ветра,

цази и

тихий стех. Если Галларди и услышал их, то не подал виду. Красный свет аварийных ламп

горел ровно, но как будто мерцал на его (не его настоящим)

лице. Мужчина вновь взвесил в руке свой толот и отвернулся. Джанн пошла за ним по

машинному святилищу, переступила через труп Токүина, не взглянув на него.

-- Он был слишком силен для меня, -- сказал Галларди голосом, хриплым от печали, и дал

одной руке упасть, указывая на свою ногу. -- Слишком силен. Я вплавил собственное дыхание

в мою сталь, и чем это мне помогло? Нет, нет. Все кончено. Я отдал последний Сабиле, но

этот путь -- не мой. Кровопролитие -- его путь. Его душа там. А моя -- здесь. Она привязана

к этому месту.

Джанн посмотрела туда, куда он указывал. Ее зрение поплыло и раздвоилось. Она видела босую, бледную ступню Галларди, торчащую из-под манжеты стандартных рабочих штанов ржаво-бурого цвета, и видела ногу толщиной с колонну, обвитую мускулами, тяжелую, как наковальня, разогранную и скрюченную из-за страшных ран, которые нанес Крусман, когда притащил сюда покалеченного и лишенного сил Галларди и связал его цепями.

Крусман никогда не бывал здесь, внизу. Это место принадлежало Токуну. Оно было свято для него. Место, куда он приходил молиться и отправлять культ, куда Галларди пришел как мастер. Джанн понимала, почему они боролись, но не могла понять то, что видела сейчас.

Темнокожий человек с большим,
изуродованным шрамом животом был так
же истинен, как и

все ее воспоминания, но все же она знала
хромого мастера наковальни так же, как
все

сияющие черты своего собственного
(но ее ли на самом деле)

лица. Она качнула посохом в одной руке и
протянула другую к нему.

-- Я бежала и пряталась, -- сказала она. --
Я... я думаю, что спала. Думаю, что
видела сны. Сны о

нас. Не знаю, видела ли сны о тебе и о...
нем... -- она указала на тело позади себя, не
в силах

вспомнить имя технопровидца, с которым
жила и работала на протяжении двух лет,
-- или

запомнила ли их. Я видела, как ты
борешься с ним...

(-- Галларди! -- закричал Токун.
Аугметика закрывала глаза и нос агента,
но его рот

оставался плотью, не речевым устройством, и в его голосе слышался мерзкий органический

страх. -- Прекрати это! Прекрати то, что делаешь!

Он закашлялся и согнулся, когда кулак врезался в его живот, затем выгнул инкрустированную

медью вспомогательную руку, растущую из основания его позвоночника -- выгнул, как хвост

скорпиона, чтобы заблокировать направленный вниз взмах пневмозажима, который Галларди

стиснул в другом кулаке. Зажим с лязгом отлетел прочь, и рука со змеиной скоростью

метнулась к подбородку Галларди, но то был лишь толчок, не удар. Токун не понимал то,

что происходило, он не сделал ту вещь, которую сделали все остальные, ту, которую память

Джанн не могла собрать воедино. Токун

не понимал неправильность этого, не понимал,

почему Галларди должен был принять руководство кузницей, чтобы всё не оказалось

фальшью, с чем даже она, в некоторой степени, заставила себя притираться.

Токун вновь толкнул Галларди и вцепился в него, и тот на какую-то секунду забился в хватке

восьми механических пальцев, стиснувших его челюсть, прежде чем врезать зажимом по

тонким сочленениям руки и страхнуть ее с себя.

-- Ты помешался, Галларди! -- Токун был машинным затворником, не бойцом, и теперь он

ковылял назад по мастерской, дергаясь от обратной связи с поврежденной рукой. -- Ты

испорчен! Джанн! Вы все! Где Мерлок? Заставьте ее снова взять на себя командование! Вы

все испорчены!

Он отступал все дальше в кузню, и Жанн
хотелось остановить его, объяснить,
насколько

неправильно он все делает -- со своим
чужим голосом и странным
половинчатым лицом, --

но Галларди вновь приближался к нему.

-- Эти вещи -- они свели вас с ума!
Галларди! Жанн, да приведи же его в
чувство!

Одна из механизированных
гидравлических тележек ожила и
покатилась вперед. Токуин

пытался управлять ею так, чтоб
приводной блок оказался перед Галларди, а
зубцы вилок

попали ему под ноги, но тот крутанулся,
обогнул тележку, словно в танце, качнулся
в

сторону, оттолкнулся от токарного
станка и оказался рядом с Токуином.

-- Сними эту вещь, Галларди, она
разрушает твой разум, Галларди,
послушай...

И тогда она убежала прочь, ибо ее грустно натеревался до смерти избитый технопроводца, и она

уже видела, как рычал Крусстан, ругая руку Хенга, в то время как Хенг ухмылялся и хихикал,

глядя на него. Она знала, что Сабилла попытается сделать все так, как должно быть, и уже

знала, что должно произойти, даже несмотря на то, что не понимала, что вообще

происходит. Она закрыла глаза руками и медленно пошла прочь, а позади нее Галларди начал убийство.)

-- Нас двое, -- сказала Джанн. Она неслышно ступала, медленно обходя Галларди по кругу, а

тот прислонился к сварочному станку, свесив голову. Джанн могла видеть пот и сажу,

покрывавшие его кожу, усталое опустившиеся плечи. Должно быть, он

работал всю ночь, без сна. Она не могла себе представить, насколько он изможден -- но ведь он не мог устать,

работая здесь, разве нет? Это было его место, его кузня, он был единым целым с ней. Как этот

труд мог его утомить?

-- Мы ведем войну сами с собой, -- продолжала она. Галларди не пошевелился. Это была

глупая фраза. Он знал, что они воюют. Разве он не ковал собственными руками оружие этой

войны? Но это тоже не имело смысла, ведь она помнила, что Галларди завладел кузницей

день-два назад. Каждый ответ был неправилен, каждый вопрос был неверен. Она продолжала

ходить по кругу сосредоточенными, ритмичными шагами. Это приносило облегчение, словно

возвращая все происходящее к привычному,

знакомому.

-- Не между нами, но внутри нас. Ты можешь почувствовать это? Две вещи в тебе? Ты видел

это во сне? Ты чувствуешь, что ты... не принадлежишь себе? -- Она на три четверти прошла

круг, и движение как будто помогало ей находить слова, так как мысли выстраивались в одну

линию, подобно лунат в небе. Она вновь подумала о том, как Галларди корчился и бился,

когда полубабытый грузой протянул металлическую руку и словно подтолкнул его

(но оно не выглядело как его)

лицо, почти что толкнул его с черепашки. Это что-то значило. Она была уверена в этом. Она

позволила глазам наполовину закрыться и начала кружиться, заткнув свой хоровод вокруг

Галларди. Даже при том, что она

сознавала, насколько нелепы эти
движения, круги внутри
кругов успокаивали ее, помогали мыслям
течь плавно и спокойно в берегах, которые
казались
знакомыми.

Она открыла глаза, и зрение ее
прояснилось — лишь на момент, но этого
было достаточно.

Галларди стоял посреди бессмысленного
хора лязгающих, наращающих число
оборотов

машин, механизмов Токүина с рычагами,
заклинившими в рабочих позициях, с грубо
приклеенными или припаянными к ним
фрагментами металла или пластекового
мусора. Один

уже перегрелся и прекратил работу, два
других злобеще гребезжали. Пол был
усыпан

инструментами и обломками.
Контейнеры и подвижные полки, где
Токүин с почтением
размещал свои инструменты и запасные

детали, были перевернуты и разбиты, и их
содержимое кучами валялось рядом.
Посреди всего этого находился Галларди,
полуголый, с
тусклыми глазами, грязный, как
животное, стоящий у рабочего
постамента и с грохотом
обрушивающий свой молот, как будто он
был старым кузнецом из хибары на
окраине улья,
обрабатывающим железный клинок.
Однако вместо молота он размахивал
одним из тех
тяжелых инфразвуковых жезлов,
определяющих плотность, которые они
использовали,
проверяя на прочность сегменты
трубопровода. У датчика на конце
(который в тусклом свете
для неясного зрения мог выглядеть как
навершие молота) уже треснула оболочка,
и были
видны разбитые внутренние детали, а на
постаменте лежал не раскаленный

покрасна кусок

металла, но раздробленный вдребезги
габаритный фонарь с подъездного крана.

Галларди вновь опустил
импровизированный кузнечный молот, и
повсюду разлетелись

осколки пластика. Из-за своих размеров и
веса он никогда не был особо грациозен, но

Джанн

постоянно восхищалась мощной, уверенной
расчетливостью, с которой он двигался.

Теперь

его движения были пусты, судорожны, не
как у живого существа. Женщина
попыталась

прочитать выражение его глаз, но, едва
бросив взгляд на его

(нет, пожалуйста, чем стало его)

лицо, она закричала, завертелась на
месте, снова взглянула, но не смогла
стереть из памяти то, что уже узрела, и
выбежала из кузни. Если бы он крикнул ей
вслед -- даже назвал ее имя, даже

просто закричал бы без слов -- может, она

нашла бы в себе храбрость, чтобы
остаться, но на

нее вновь налетела скользкая,
калейдоскопичная дымка, рассеивающая и
раздваивающая

мысли, и, хотя Джанн и сопротивлялась
ей, где-то в этой дымке ей явилось знание о
том, что

это было предопределено, это было
правильно. Галларди был прикован к этому
месту. Ее

видения не изменят этого.

(-- Сможете ли это поднять? -- спросил в
ее памяти Галларди. Они стояли и
смотрели на

вещь, которую нашли. Сложно было не
смотреть на нее. Ее форма была в своем
роде

приятна для взора, скользившего по
мягким изгибам и изящным виткам.

Джанн подумала о

странных зубчатых контурах грибов,
которые росли в прохладных туннелях под
беспорядочной застройкой города-улья, где

они отдыхали после вахты, а затем
подумала об

очертаниях мускулистых рук и плеч
парня, с которым она пошла на свидание,
когда последний

раз была там. Это заставило ее
покраснеть, но никто из остальных этого
не заметил.

Крусстан и Хенг тихо переговаривались,
Галларди просто разглядывал вещь. Она
была

искусственной, но все искусственные вещи,
которые когда-либо видела Джанн,
отличались

тяжелым, как кувалда, высокомерием
Утперского дизайна -- тупые углы,
твердые

поверхности. Здесь же Джанн не могла
найти ни одной прямой линии или плоской
границы. Она

не решалась подходить к этой вещи ближе
-- никто не решался до тех пор, пока они не
расскажут Мерлок, что нашли, -- но села
на корточки и наклонилась вперед, чтобы

получше

рассмотреть ее. Если это были рукоятки управления, то вот это должно быть сиденьем, а

если это сиденье, то те штуки за ним были подножками, как на их багги для подъемного

крана, на которые можно было вскочить и ехать. А позади, под спутанной мерцающей тканью, чьи цвета как будто рабили и грожали в уголке глаза... двигатель? Механизм? Или

контейнер? Что-то вроде ящика, пристегивающегося к мотоциклу? Жанн подумала, не

было ли там груза, чего-то, что перевозили на этой штуке. И как горько ей было сейчас, что

они не разбили ее, не подожгли своими факелами, не проехались краном взад и вперед по этим

контейнерам, расколов их в щепы, прежде чем кто-то успел хотя бы открыть их и заглянуть

внутрь.)

Зрение Джанн помутнело от слез, пока она бежала вверх по лестнице, и она неправильно

оценила ширину выхода. Концы скрученного посоха врезались в дверную раму, и женщина

налетела на него поперек талии, согнувшись пополам — она не поранилась, но застонала от

неожиданности. Посох выпал из ее рук, и она, согнувшись, упала на порог, неуклюже поползла вперед, не подумав о том, чтобы подогнуть его.

Когда она вспомнила о посохе, то прижалась спиной к сухой, гладкой стене, и кое-как

взобралась на ноги. Это был складской уровень, лабиринт узких троп, петляющих между

темных нагромождений тюков, металлических бочек и ящиков. Опираясь на тяжелую

пластиковую оболочку, прикрывавшую

кучу фильтрующих устройств, она
остотрелась
вокруг.

Высокий, чистый стех донесся из
озаренной красным двери, ведущей в
кузницу, а у нее не

было посоха. Дыхание застряло в горле
Джанн, но она заставила себя
пошевелиться. Ее руки

шарили в воздухе. Место было
захлалнено, поэтому посох - и так
неважное оружие - был

здесь просто бесполезен, но все же его
потеря казалась слишком большой
утратой. Она

сказала себе, что это была всего лишь
ржавая, бесполезная палка, пригодная
только для

Токуиновой печи, где переплавляли
металлом, но чувство, что она
утратила часть себя, не

покидало ее, и она переместилась
подальше от двери кузницы.
Нагроможденные друг на друга

ящички и бочки были сплошь в углах и
острых гранях, без успокаивающих кругов,
и она

чувствовала, как в груди что-то
толкается и дергается, желая эхом
повторить стех, который
она услышала.

-- Он должен сражаться сам, --
прошелестел голос Мерлок у ее плеча, и,
хотя Джанн

попыталась было дернуться и закричать
от неожиданности, она смогла лишь
вздрогнуть и

выдохнуть. Джанн повернулась в пол-
оборота, и Мерлок вложила скрученную
палку ей в руки.

-- Не нужно оставлять посох в траве --
так же, как и копье, моя маленькая
двоюродная сестра,

-- прошептала Мерлок. Ее голос двоился,
отдаваясь эхом. -- Хорошо было бы, если бы
ты

бежала рядом, младшая, если б ты
осталась со мной. Зеленое и белое наг

деревьями...

С точки зрения Джанн в этой фразе не было смысла, но слова возымели некую странную

власть над ней, и она запрокинула голову, как будто могла посмотреть вверх, сквозь толстые

стены и крышу, и увидеть ночное небо, где горело зеленое и белое...

Но Мерлок уже шла прочь, она стремительно двигалась в узком пространстве между кучами

запасов. Джанн улыбнулась, плавно скользя ей вслеп, воображая Мерлок ночной хищной птицей, с клювом острым, как копье, с когтями, рассекающими воздух, с глазами столь же

острыми, как когти, вперившими взгляд в чуть подкрашенную зеленым темноту. Но стех,

донесшийся из-за двери в кухню, больше не покидал ее голову, и она поняла, что сама хочет

застеяться и тихо занесть, бега туда и

юга.

-- Вперед же, вперед, сестра! -- раздался хриплый шепот охотника, идущего по следу, и Жанн

ускорила шаг, несмотря на то, что знала, что это всего лишь тонкий голос Мерлок, доносящийся с другой стороны ящика с гигиеническими принадлежностями.

Вперед, к

Великому Каирну! Мы прикоснется к катню на удачу и вернется, чтобы охотиться на них!

География этого места разворачивалась в уме Жанн с тихой уверенностью сознания, но,

пробегая между полок, неловко задев посохом коробки и оборудование, она все больше и

больше понимала, что место, через которое она бежала, было подобно фантому. Ее разум

продолжал танец вдаль, в каком-то огромном лесу (она была уверена, что это называется

«лес»; их последний начальник, предшественник Мерлок, читал книги и рассказывал про

леса), летя между стволами деревьев вверх, в густые кроны, скользя вниз, в подлесок, легкий,

как лунный луч, следующий за свирепым ястребом.

Все места в этом лесу были знакомы ей, их имена для нее облагали значением талисманов.

Великий Каурн, Древо Рук, Плачущая Река, Небесный Очаг. Великолепные места, дикие

места — и Джанн закричала, ибо сейчас она выпевала свои мечты в небе над лесом, сопровождаемая хором музыки ветра, и сейчас она шла неверной походкой в тесной, захлупленной кладовке, глядя, как впереди крадется ее полная, невысокая начальница, сжимающая глинный обломок от какого-то ящика, как будто это было копье, радуясь

безутной красоте — Джанн не могла

убедить себя в том, что на самом деле ее
видит, ---

стелась в темноте, в то время как ее грубо
шаркает туда-сюда по кузнице с кровью
Токүина на

руках --- побитый, искалеченный и...
скованный?

Снова появилась та странная, призрачная
уверенность.

Скован? Она не видела никаких цепей.
Галларди убил Токүина и завладел
кузницей. Почему ее

разум цеплялся за этот образ
побежденного и скованного мужчины?

Шлеп, шлеп, шлеп --- Мерлок дошла до
конца прохода. Начальница скинула с себя
рабочие

ботинки и ходила босиком, оставляя
кровавые отпечатки --- что-то поранило ее
левую пятку.

Она покрыла машинной смазкой знаки
своего ранга на куртке, и грубые гирлянды
из

разорванной ткани перехватывали ее лоб

и бицелс. Она потрясла копьем, зажатым в одной

руке. Другая кисть, осознала Джанн, болталась на конце сломанной руки.

-- Это неверный путь, -- сказала Джанн, презирая посохом проход. -- Мэм? Мерлок, вы хотя

бы знаете, где вы? Вы узнаете это место? Узнаете меня?

Женщина остановилась, наткнувшись животом на изъеденный металл посоха, затем отступила

назад и взвеса в руке копье. Джанн едва не передернуло, когда сломанная рука Мерлок

ударилась об угол ящика, но начальница, похоже, даже не заметила. В темноте ее (как я вообще могла подумать, что это ее настоящее)

лицо выглядело бесстрастным -- может быть, немного настороженным. Узоры вокруг ее глаз

и на скулах изгибались, как густая летняя листва, как крылья сокола.

-- Что за странные вопросы ты задаешь, двоюродная сестра! Ты снова видела сны? Надо было

спросить меня прежде, чем ложиться спать. Здесь есть места, где спать небезопасно, а твои

сновидения слишком ценны для любого из нас, чтобы так рисковать. Враги пробираются в

дикие места, сестра. Держись ко мне поближе.

-- Мерлок, послушайте меня! Где вы? Вы можете мне сказать, где вы? Описать, где находитесь? Вы знаете, что произошло с Галларди и Токуином?

-- Я... -- начала Мерлок и выпрямилась. Ее сломанная рука все еще безвольно висела, но другая

воздела саблевидное копье в позу, которая вновь вызвала в Джанн сводящее с ума дежавю. --

Я бегу по следу, как луна и как ветер, младшая сестра. Я -- звук моего рога, я -- полет моего

конья. Когда ночи холодают, а зеленая
луна выходит в молчании и одиночестве,
тогда я иду
под ней.

Иные голоса, иные звуки. Что-то
мелькнуло перед зрением Джанн, как
призрак

гололитического дисплея миг спустя
после выключения. Мерлок как будто бы
стояла в центре

большей фигуры, чего-то высокого,
закутанного в звериные шкуры, поднявшего
сухощавую

руку — и его или ее слова сопровождали
отдаленные звуки рогов и быстрого
дыхания.

Мерлок пыталась придать своему голосу
силу и мелодичность, но Джанн
чувствовала, что

слова исходят и от того, другого силуэта.
Ее ритм пробудил в ней желание
подпевать,

танцевать по кругу с высоко поднятыми
посохом, а потом стаяться и петь,

прыгать, зависая в

воздухе, ярко сиять с высоты...

Ощущение было, как будто ее встряхнули и разбудили прямо перед полным погружением в

сон: Джанн вырвалась из грез, отшатнулась от кромки и немедленно ощутила вину за то, что

не поверила этому чарующему голосу. Прежде чем вина стогла убавлять ее и снова влечь

под его власть, она скрикнула зубами, сузила глаза, почти зажмурившись, и нанесла

неуклюжий удар наотмашь по сломанной руке Мерлок.

Начальница застонала от боли, зашаталась, но не упала, и обломок ящика остался зажат в ее

кулаке так же, как посох — в руке Джанн. На мгновение в темноте позади слышалось

что-то, что могло быть вздохом или стешком, но когда Джанн приподняла

голову и

прислушалась, оно исчезло.

— Я ранена, но не настолько сильно, чтобы не могла сражаться или исцелиться, — сказала

Мерлок, наполовину согнувшись, припав на одно колено, баюкая свою руку. — Но ты видишь,

Джанн?

Джанн покачала головой, не понимая и сразу не распознав илтя, которое использовала

Мерлок. Она была уверена, что ее илтя должно быть глинное, мягче, лежащимся на язык

скорее как нежная колыбельная.

— Видишь, да? — продолжала Мерлок. — Видишь, как все это неправильно? Мои владения, мои

охотничьи тропы. Я забралась повыше, чтобы выстатривать и ждать моих врагов, а ветвь

сбросила меня. Не выдержала мой вес.

Чувствуя головокружение, Джанн

подхватила Мерлок под здоровое плечо,
помогла ей

подняться на ноги и вытянула шею, чтобы
проследить за взглядом женщины. Первой
мыслью

было то, что эта конструкция, конечно
же, не выдержала веса — она сломалась на
разрыв, разорванный,

растянутый брезент, лежащий поверх
наставленных друг на друга бочек с
сгустившейся

водой, и кто бы мог подумать, что
коренастое, негибкое тело Мерлок
позволит ей

вскрабкаться туда без неприятностей? У
все же ей казалось совершенно разумным,
что

Мерлок говорила о куче бочек, как об
огромном дереве, которое нанесло ей
личную обиду,

поглотив под ней ветвь и позволив ей
упасть. Падение. Падение и боль. Джанн
глубоко

вдохнула, потрясла головой, наполнила

себе о своей цели.

-- Посмотрите на нее еще раз, Мерлок. Пожалуйста, тэм. Разве это то, что вы думаете?

Посмотрите на меня, вы видите свою двоюродную сестру? Я думаю, что уже почти поняла,

что такое с нами происходит, тэм, уже почти сообразила, но вы поможете мне наконец это понять?

Она слышала свой голос, надтреснутый и утешающий, почти плачущий, но ей, похоже,

удалось нарушить ход бредовых измышлений Мерлок. В ней теплот расцвела надежда. Она

посмотрела другой женщине в глаза и выдержала ее взгляд. Пусть боль ошеломляет ее,

подумала Джанн. Пусть она думает! Пусть увидит это, глядя в мое (но ведь это даже не мое)

лицо.

Долгую секунду висело молчание, а затем горло Мерлок начало издавать тихий звук. Джанн

наклонилась, ожидая услышать слова, но это был лишь слабый стон на выдохе. Джанн

продолжала смотреть Мерлок в глаза, пытаясь игнорировать то, что ее чувства говорили ей о

лице этой женщины, пытаясь извлечь понимание из ничего, просто сосредоточившись.

-- Джанн? -- голос Мерлок больше не двинулся. Теперь это был обычный голос, голос, который

был знаком Джанн, но слабый и сбивчивый.

-- Джанн, это ты? Я не узнаю тебя. Что случилось?

Джанн. Больно. Я слышу машины в кузне. Где

Токуин? Джанн?

-- Мы идем вверх от кузни, -- сказала ей

Джанн. -- Вверх, на самый высокий уровень,

где

находится эта вещь. Я знаю, что мы... не всегда были такими. Я вижу во сне, какими мы были,

прежде чем нашли ее. Я думаю, если мы все пойдем к ней, мы сможем понять больше про

этих людей в твоих снах.

-- Вверх, -- сказала Мерлок все тем же тихим, похожим на детский голосом. -- Мы пойдем

вверх, -- она попыталась протянуть вперед сломанную руку, но та не могла полностью распрямиться. -- Ты и я. Вместе.

Мерлок не ослабила хватку на копье, поэтому Джанн взяла ее, как могла, под сломанную руку

и попыталась поточь ей иглу.

-- Мы пойдем вместе. Ты и я. Вместе в темноте.

Кряхтя, Джанн довела Мерлок до конца прохода и вывела в более просторное место, где им

было удобнее идти бок о бок.

-- Ты и я. Угел в темноте, и это для нас не первое такое путешествие, нет, -- сказала Мерлок

почти что со смехом, от которого кровь Джанн похолодела. Этот звук как будто эхом

отозвался во тьме вокруг них. Джанн как будто услышала мягкие, быстрые шаги, сопровождающие эхо, но кто теперь мог сказать, что происходило вокруг, а что было

призрачной пантомимой в ее собственной голове?

(-- Галларди, Клайд, принесите пару поршневых захватов, -- сказала Мерлок. Ее голос,

который никогда не был особенно силен, боролся с резким ветром на крыше башни, но в нем

все же было достаточно стали, чтобы пресечь споры. -- Токун знает, что у нас находка, но

ему нужно провести какое-то богослужение внизу, прежде чем он сложит

подняться и

посмотреть на эту штуку. Мы начнем сами.

-- Мэм, Джанн полагает, что там внутри определенно техника, -- сказал Крусстан, -- и я

согласен с ней. Смотрите, тот глинный изгиб имеет очертания капота на двигателе, и

если под него заглянуть, то там будут, я уверен, механизмы.

-- Я думаю, вы правы, -- сказала Мерлок. Мимо прошли Клайг, Галларди и Хенг, толкая

подставку большого поршневого захвата, установленную на грохочущих колесах. -- Но

техника -- это единственная вещь, на которую он должен взглянуть. Если то, что вы

считаете механизмами, -- часть таинств Механикус, тогда нам лучше всего с самого начала

их заговорить. Но все, что здесь есть и не

является машинерией — законная добыча филиалов

Гильдий. Бюджет достаточно благочестиво, если мы сделаем все по форме и возьмем себе то, что принадлежит нам.

Это было то, что хотел услышать Круссман, и они с Сабиллой даже аплодировали, когда

захваты установили рядом с той вещью, что они нашли, вещью, похожей на глиняный

радужный наконечник стрелы, которая выглядела такой тяжелой, а на подъем оказалась

столь легкой, со странными приборами управления и поручнями. Никто из них не обсуждал в

открытую яркие, похожие на самоцветы кристаллы, вделанные в ее гладкие изгибы:

большинство бригад, обслуживающих трубопровод в глубокой пустыне, разделяли одни и те

же негласные суеверия о том, что нельзя

торжествовать над добычей, пока не
подписаны

призовые документы. Но Джанн поймала
себя на том, что изучает их,
пересчитывает и

размышляет о тех штуках, которые, как
она теперь была уверена, были
контейнерами для

груза. Когда Клайд отогнал остальных и
взялся за рычаги управления,
металлические руки

распрянулись с шипением поршней и
трехпалые захваты медленно
разместились над

крышками вместилищ...)

Джанн не хотела больше думать об этом.
Не хотела видеть снов, не хотела
вспоминать. Разве

не ее сновидение начало весь этот раздор?
Ей снилось восстание (хотя в этом и не
было

смысла), ей снилась война между ними
всеми (но это ли в действительности
случилось?),

снилось кровопролитие, которое
свершилось из-за того, что она рассказала
о своих снах,

пророчество и исполнение его в одном
замкнутом, сияющем круге, подобном
крошке полной

белой луны. Но она никому не
рассказывала. И не она увидела эту вещь,
загнанную ветрами

пог трубопровод. Кто увидел ее первым?
Они проверяли, выдержали ли новые
крепления на

пилоне 171 сверхскоростные ветра
вчерашней песчаной бури, и дрон Токүна
заметил нечто,

что не смог идентифицировать по своим
каталогам изображений. Они пошли
охотиться за

этой штукой. Но Мерлок не пошла с ними.
И разве не Мерлок была той, кто
охотится?

Мысль о ее спутнице на миг вернула
сознание Джанн обратно. Мерлок все еще
бороталась

себе под нос.

-- О, мы бежали вместе, а призраки пели в
водопадах -- ты помнишь? И раздоры, когда
вражда затаилась между мной и моей
черновласой любовью, и ты всегда была
спокойным

голосом. Ты позвала меня, когда появилось
горящее железо в... в дыму... и ты была
звездой,

по которой мой... мой посох, моя охота,
мои грузы...

Та хриплая, гортанная нота вновь
прокрадывалась в голос Мерлок, как
охотящаяся кошка,

незаметно пробирающаяся сквозь чащу, но
в то же время она запиналась, искала
слова, как

будто каждая тропка мыслей вела ее в
темноту. Это было вдобавок неправильно.
Мерлок была

начальницей станции, отдающей приказы,
она должна была быть тверда. Мерлок
была

единым целым со своим дотом, быстрой,

как ноги, безущие в дикой ночи, уверенной,
как

удар охотничьего копья или пике сокола.
Она должна быть тверда, без всяких
колебаний,

прячущихся за выражением ее лица.

Джани все еще пыталась понять, что
значит эта мысль, когда взглянула вверх и
увидела

фигуру, наблюдающую за ними. Она
держалась в свете, падающем в
лестничный колодец с

жилого яруса, и там, где свет попадал на
нее, она как будто осыпалась
перекрещивающимися

искрами и нитями. Существо сделало
полшага к нити, словно в танце, и вся его
кожа

растрескалась, загрожала и задвигалась,
сияя разными цветами. На мгновение
представление

прекратилось; существо согнуло изящную
ногу, чуть-чуть приподняло голову и
лениво

күвыркнулось назад в темноту.

Джанн стояла, тяжело дыша, ее голова звенела, как задевшая струна, но мыслей не было. Сердце

готово было забиться сильнее при виде этого создания, но кости хотели похолодеть от страха.

Мерлок все еще мешком висела на ее руке, борточа, и из кухни донесся взрыв стеха и скрежещущий, отдающийся эхом грохот.

Джанн сдвинулась с места. Она забыла о том, чтоб поддерживать Мерлок, просто потащила

женщину в неуклюжем полубеге среди извивающихся, хихикающих теней.

Мерлок загнулась у

подножия лестницы, но потогла себе, опираясь на копые, и стогла удержаться темн. Вбираясь

вверх, Джанн бросила взгляд через плечо и увидела, как ее начальница тяжело дышит в двух

ступенях позади, наклонившись вперед для бега так сильно, что согнулась почти

вдвое.

Фуражка Мерлок давно потерялась, а коса
растрепалась, так что черные пряди
свисали на

лицо, и Джанн резко развернулась, чтобы
снова смотреть на ступени, радуясь, что
не увидела

(я даже не могу вспомнить ее настоящее)

лицо Мерлок в более ярком освещении
лестничного колодца. Ни один из раздумов,
буйствующих в ее голове, не мог
предсказать, что они увидели бы без
милосердного

полутрака затененных нижних этажей.

Свет становился ярче по мере того, как
они преодолели крутой поворот и
вскарабкались по

второму пролету. Дуговой светильник над
дверью в жилой ярус был поврежден — у
Мерлок

так и не дошли руки, чтобы заставить
Токуна найти время для его починки — и
поэтому они

вошли в разгромленное общежитие,

наполненное мигающим светом и плачет.

Плачущий голос принадлежал Клайду, и, встатриваясь сквозь терцание и мигание света,

падающего сверху, Джанн смогла его разглядеть. Он сгорбился в гнезде из спутанных штор и

постельных принадлежностей, выданных из отделений спального отсека и теперь забивавших собой проход. Посреди всего этого Клайд стоял на коленях, наклонившись к

одному из сорванных карнизов для штор и приложив одну руку к лицу. Это была столь

классическая поза скорби, что выглядела неестественной, как будто Клайд был центральной

фигурой в одной из ярко освещенных «живых картин», которые актеры изображали перед

хратами в ночи священных праздников.

При этом образе разрозненные мысли Джанн словно зацепились друг за друга и

загвагались в

согласии. Озарение было столь же
мимолетным, как яркий лунный луч,
копьем пронзивший

облака, но столь же сильным. Она
страхнула со своей руки Мерлок и
побежала по проходу

настолько быстро, что как будто парила
над мусором и обломками, и упала на
колени у ног

Клайга.

-- Клайг? Клайг, это я, -- хотя если бы ее
спросили, кто это -- «я», она бы ответила с
трудом. --

Клайг, все в порядке. Тебе не надо
горевать. Мы не... не такие. Мы не... -- Это
казалось таким

ясным в тот сияющий, залитый лунным
светом момент, но сейчас она едва
подыскивала

слова. -- Мы не те, кто ты есть, Клайг. Я
думаю, что поняла. Я видела нас во сне,
как... -- и

голос застрял в ее горле, потому что она

хотела сказать «нас самих» и хотела
сказать «других», и оба этих слова были
верны -- и ни одно из них не было верным.

-- Ты не понимаешь, -- сказал ей Клайд.
Голос его был искажен -- грудной, урчащий,
как и

Джанны его знала все те годы, что они
работали вместе, а не чистое
контральто, которым, как

она полагала, он должен был быть на
самом деле. -- Он ушел, он... -- и тело
Клайда начало

сотрясаться, уже не в плаче, но в более
глубоких спазмах. Он начал кричать,
выплывая

слова почти что в визге.

-- Утирающий-утер-он тертв-он все же
утрет-он утирает!

Джанны пыталась удержать руки
мужчины, тихо спеть ему нежные лунные
песни, чтобы

успокоить, и все же она понимала. Он
ушел, чтобы утереть. Кто ушел? Джанны
не могла

сконцентрироваться на имени --- два
различных звука скользнули в ее голову и
тут же

исчезли --- но она знала, что он был
(ноборником-сыном-учеником-подчиненным-
последователем) Клайда, и знала, что,
кем бы

тот ни был, он ушел на смерть. Он ушел
сражаться. Он уже был мертв, и его
поплакали. Он

лежал, утирая, его раны были
смертельны, а кровь --- ярко-красного
цвета, как луна, что

начала прибывать по его смерти, чей
свет оросил зеленую и белую луны и
потопил в себе их

красоту.

Он был всем этим, во всех этих
состояниях, всегда идущий навстречу своей
судьбе, всегда

лежащий сраженным, лежащий мертвым.
Во всех своих состояниях он был вне
времени, как

та сцена, которую они разыгрывали сейчас

— скорбящий Клайд, Мерлок, нависшая над ними

с поднятым копьем, Джанн, стоящая на коленях и успокаивающая, рассказывающая о снах.

Даже несмотря на то, что она боролась со слезами горя и страха, форма, принятая всеми

трех, казалась столь верной, как будто она совершала движения танца, для которого была

избрана, еще когда ее собственная мать лишь ждала появления на свет.

Она, кажется, услышала легкий вздох узнавания откуда-то со стороны, но не могла разглядеть

никого, кроме них трех.

Она снова взглянула на Клайда. Тот затомался в зеленую штору и разорвал перед своей блузы

так, что ее края теперь выглядели так же, как грубые гирлянды из рваной ткани, которыми

украсила себя Мерлок. Он сбросил с себя

металлический ошейник, знак статуса, и
электротатюировка, окружавшая его
бычью шею, символ посвященного
Механикус мирского
ремесленника, заметно светилась. Ее
твердые геометрические очертания
вступали в резкое
противоречие с заостренными линиями
его черт, изящных даже в глубоком горе.
Это было не
принадлежащее Клайду
(не больше, чем это — мое)
лицо, но наконец-то Джанн подходила к
пониманию того, как так могло быть.
Она поняла, что вновь говорит, даже не
зная, есть ли у Клайда и Мерлок
достаточно разума за
тем, что скрывают их
(я почти могу вспомнить их)
лица, чтобы понять ее, но позволяя словам
изливаться из нее, подобно лунному свету.
Она
говорила о том, как Галларди забрал
машинное святилище у Токүина из-за

изгов и песен,

которые позвали его к кузне. Она говорила о своих озаренных лунной снах, превращавшихся в

пророчества, когда она рассказывала о них, и ее пальцы скользили по изящно

пересекающимся кругам, вдавленным в ее странную, хрупкую кожу. Она говорила о

воспоминаниях, которые видела во сне, и о сновидениях, которые не могла полностью

вспомнить, о незнакомых, неуклюжих существах, которыми они все когда-то

были, и их

грубых именах (Галларди, Клайд, Мерлок,

Джанн — что это, как не хрюканье и гогот

животных?), о зловонной, низменной башне,

которую они называли готом. Она

говорила о

храмовых «живых картинах», мистериях и

тифических танцах, о празднестве

Алисии

Доминики, когда Святая встает перед

королем с ликом, подобным солнцу, порой,

чтобы

обратить свой меч против предателя,
порой, чтобы взмолиться за своих
обреченных детей; о

«Житии Махария», которое ее братья
изучили до последнего слова, о генерале,
что вел войну

в небесах; о песни девяности девяти мечей
и великом раздоре эпоху назад, когда рука
убийцы

сокрушила героя-мученика и размазала его
кровь, столь яркую и алую; об историях
шести

великолепных воинов, что вышли живыми
из этого великого бедствия, готовые
передавать

дальше свет своего знания.

Это были хорошие истории, сильные
истории, и они пели в ее крови, танцевали
так же, как

она в своих воспоминаниях танцевала под
светом луны, под звуки барабана и цимбал
--- даже

несмотря на то, что потнила, как все они
плакали, были и дерзано пытались

плясать на крыше

башни, когда нашли

(я не хочу даже думать о них)

лица, взломали замки и нашли их, и...

Теперь всхлипывала уже Джанн, не

замечая удивленных взглядов остальных ---

это была не ее

роль, это были не ее па. Но она кое-как

поднялась и отбросила скрученную палку

прочь. У нее

не было посоха, не было ожерелья из

лунного камня, у нее едва ли оставалась

собственная

личность. По мере того как истории и

танцы кристаллизовались у нее в голове,

она

чувствовала, как ее «я» разбивается на

фрагменты и ускользает. Джанн хотела

рассказать им,

хотела прокричать им об этом, но

тяжесть понимания была слишком велика,

и все, что она

могла --- это плакать над тем, что с

ними случилось. Она встала на ноги и

перескочила через

Клайда ломаным прыжком сломанного
существа, которым она стала, и побежала
к

ближайшей лестничной площадке, все еще
всхлипывая. Позади нее Клайд и Мерлок
заклучили друг друга в неуклюжие
объятия, но Жанн не видела и не хотела
их видеть.

Теперь она понимала. Надежды не было.

Освещение рабочего яруса было
отключено, и навстречу ей светили
только приборы и

устройства наблюдения. Она чувствовала,
как обрывки ее разума извиваются и
тянутся в двух

противоположных направлениях, и на
мгновение она прервала свой
спотыкающийся бег,

установившись на чистую пластовую
контурку, за которой она сидела,
сосредоточенно изучая

метеорологические таблицы и карты
гюи. Края воспоминаний вновь легко

коснулись ее. Вот

она сидит за этим столом с красными глазами, зевая, пока Мерлок настаивает на том, что

маршрут для профилактического обхода должен быть готов к началу утренней смены. Вот она

за столом, в пятнадцатиминутном перерыве, с кружкой горькой выпивки в руке, задыхается от

смеха, в то время как Галларди и Круссман исполняют одну из своих коротких песенок,

издевающихся над гильдийскими контролерами. Вот она глядит на погодные авгуры и

говорит Мерлок, что да, теперь они могут отправляться, можно двигаться безопасно, и

продумывает маршрут туда, где приборы показали нечто, поднесенное бурей к самолету

трубопроводу.

Она не могла вынести эту мысль, мысль о

том, что какое-то ее действие могло
повести к

тому, что произошло. Джанн тяжело
привалилась к дверному косяку, подняв
руки, чтобы

заслонить стол и связанные с ним
воспоминания, и, когда она опустила их, на
столе было

ничто, наблюдающее за ней.

Страх перед ним сочетался и смешивался
с чувством того, что оно ей знакомо, так,
что она не

могла их различить. Она сглотнула и
осознала, что делает шаг вперед, протянув
в

утиротворяющем жесте руку, которую ее
страх затем стиснул в кулак. Высокое
существо на

столе, украшенное бахромой и увенчанное
гребнем разных цветов, которые
крутились и

смешивались с воздухом вокруг нее, встало
в позу и передразнило ее движения, а затем
оно из

многоцветного превратилось в
бесцветное, шагнув назад со стола и
исчезнув из глаз, оставив
ей лишь призрак стеха.

Это был не тираж, отрешенно подумала
она, и не воспоминание. Что-то
действительно было

здесь, рядом с ней, возможно, оно все еще
здесь. Что-то, что...

...но она обнаружила, что прогнала эту
идею прочь прежде, чем та смогла
вызвать какое-то

напряжение в ее разуме.

За ними наблюдали, ничего более. Никто
не делал это с ними. Они сделали это
сами.

(Они молчали, один за другим спускаясь с
крыши, и каждый нес один из своих
странных новых

трофеев. Их болтовня прекратилась уже
после крика Крүссана, но теперь
молчание было

почтительным, а не удивленным. Джанн
подумала о давящей тишине, овладевшей

толпами,

наблюдавшими, как серые и белые знамена
разворачиваются на шпильях улья через
день после

Дня Десятины. Размышляя о сером, белом
и тишине, она почувствовала, как пустые
глаза

наблюдает за ней с той вещи, что она
тащила -- она знала, что это глупо. Слова
Крүссмана -- «Здесь полно лиц!» -- вероятно,
нервировали ее больше, чем она сознавала.

И действительно, будучи разбитыми, эти
ящики оказались наполнены лицами. Они
были

развешены, как картины, на внутренней
поверхности своих контейнеров, и каждое
было

окутано тканью меняющихся, рябющих
цветов, -- Джанн никогда раньше не видела
ничего

подобного. Некоторые куски ткани опали
при падении машины и разрушении
вместилища,

явив взгляду то, что было под ними. Не

сознавая того, Джанн потянулася к
одному из них ---

маске, которая должна была туже
охватывать голову глинянее и изящнее, чем
у нее. Ее черты

выглядели необычно, стилизованно и были
размещены под таким углом, что
носитель маски,

должно быть, всегда казался чуть
поднявшим лицо к небу. Стилизованные
серебристо-серые

завитки обрамляли фарфорово-белое лицо,
и в его чуждых чертах все же читалась
ласковая и

түдрая безмятежность, от которой
Джанн захотелось вздохнуть.

Она поймала себя на мысли и отступила
назад, а затем огляделась и поняла, что
все они

отреагировали одинаково.

-- Хорошо, найденное делится поровну, --
сказала Мерлок из-за их спин, стараясь
говорить

по-деловому. -- Все мы знаем правила.

И, как предписывали правила, Мерлок
имела право выбирать первой. Она
протянула руку и

отцепила темно-зеленую маску, строгую
и мужественную, с похожими на листья
узорати на

скулах и краях, разделенных таким
образом, который, видимо, должен был
вызывать мысль о

растрепанной грибе. Клайд протолкнулся
следом, когда она отошла. Одна из этих
изгрешек

очень понравится сынишке его брата,
пробормотал он, как будто ему нужно было
оправдание, и помедлил секунду, прежде
чем выбрать маску настолько же бледного
и

нежного зеленого цвета, насколько темна
была маска Мерлок, осыпанную золотой
пылью по

краям и с единственным темно-синим
кристаллом-слезой, поблескивающим под
одним глазом.

Джани, равная Клайду по рангу, поспешно

схватила бело-серебряное лицо. Оно, похоже, не

нагревалось от тепла ее рук и, несмотря на всю свою легкость, не давало себя согнуть или

растянуть. Галларди взял маску великолепного оранжево-красного цвета, которая словно

излучала собственный свет и пульсировала, испуская желтые искры, когда он поворачивал ее

из стороны в сторону. По краям цвет тускнел, становясь черным, как железо, и Галларди

объявил, что он весьма доволен.

-- Я, пожалуй, даже надену эту штуку в мастерской, -- широко улыбнулся он, -- и посмотрю,

что скажет Токун.

Хенг пожаловался на то, что останется последним, но Крусстан расхохотался и хлопал

его по плечу, разрешив ему быть следующим. Хенг отошел от ящика с не

слишком

счастливым видом, сжимая в пальцах
маску — яростную, грозно хмурившуюся,
чьи черты, на

удивление Джанн, все же каким-то
образом оставались женственны. Сабила,
погрузившись в

размышления, держал в руках золотистую
маску, очертания глаз и рта которой
говорили

Джанн о молодости и решимости.

Крүсстан был самым отчаянным. В
задней части имелось три отделения,
запечатанные так,

что клещами их было так просто не
открыть. Крүсстан и так, и сяк изучил
вмятины на

корпусе рядом с ними и нашел способ
вытащить то, что было внутри. Это
была маска цвета

старого, заржавевшего чүгүна, покрытая
грубыми узорами, которые могли быть
потеками

ржавчины или высохшей крови,

представлявшая собой оскал такой
неистовой злобы, что,
когда Крүссман ее поднял, воздух вокруг
нее как будто потемнел и остальные люди
отшатнулись, словно их ударили. Какую
бы шуточку тот не собирался отпустить,
она

утерла и соскользнула обратно в его горло.
Выражение лица этой маски напугало их
всех, и, когда вновь поднялся ветер, и
Мерлок

предложила пойти вниз, они, не сознавая
того, держались от Крүссмана как можно
дальше.

Он все еще улыбался и помахивал этой
шуткой перед собой, но Жанн могла
поклесться, что

он делает это через силу. Она ушла,
чтобы сесть рядом с Сабиллой за пультом
управления, где

они налаживали канал связи с депо, и
сидела у вокс-терминала, снова и снова
крутя белую
маску в руках.

Когда начались крики, Джанн ни секунды не сомневалась в том, что стало причиной.

Крусстан не выдержал. Он надел свою маску.)

И Джанн вновь бежала, поднимаясь по ступеням вверх, на крышу, где странный транспорт все

еще висел в хватке подъемного крана, хлестаемый ветром. Оба осколка мыслей, мечущиеся в

ее голове, теперь кружили вокруг того воспоминания. Та вещь, которую они нашли,

потерпевшая крушение машина и два контейнера, которые они не открыли. Солнечный свет,

королевская власть, золотой меч. Наверняка там была помощь?

Она забыла о последних трех своих сослуживцах, но ненадолго. На крыше башни, на

посадочной площадке, среди лебедек и подъемных кранов, Крусстан и Сабила

сошлись в

бумбе.

Джанн поняла, что нисколько не удивлена. Это была лишь еще одна часть безумной фантазмагии, даже при том, что она была так же неизбежна, как наступление ночи. Джанн

кивнула себе, ныряя в укрытие под порталом подъездного крана. Это было так очевидно. Все вело к этому.

В правой руке Крусстан сжимал нож для резки кабелей, с которого сорвал защитный каркас.

Намеренно ли, случайно («намеренно», — прошептал разум Джанн, все это было намеренно), он порезал и левую руку? Лагерь блестела красным, и при каждом движении с нее неизменно

капала кровь. Она ахнула от этого зрелища, не в силах отвести взгляд от кровоточащей руки;

мощный водитель размахивал ею, выбрасывал ее вперед, словно угрожая, и

театрально

поднимал над головой, уравновешивая
размашистые удары своего резака. Она
знала, что

увидит это, и должна была быть к этому
готова — теперь всякий раз, как она
думала о

Крүссмане, казалось, будто окровавленная
рука сжимает ей сердце. Но, конечно же,
рука

кровоточила из-за Сабилы, и, конечно,
Сабилы был все еще жив?

И да, он был жив и сражался, хотя должен
был знать, что он все равно что мертв с
тех самых

пор, как оставил плачущего Клайда внизу.
Перебираясь из укрытия в укрытие, Джанн
наблюдала за циклическим процессом их
сражения. Двое кружились то вперед, то
назад по

широкому кругу посадочной площадки, и
резак Крүссмана взлетал в воздух,
сталкиваясь с

глинным керамитовым стержнем,

который Сабила взял из кузни Галларди и
которым

атаковал Крусстана, словно мечом.

Резак зазвенел о стержень, и, хотя на звук
удар казался несильным, Сабила упал на
одно

колени. Крусстан запрокинул голову и
завопил, вознеся зажатый в обеих руках
резак над

головой, и этот звук пронзил Жанну
мучительной болью до самого сердца.

Она проползла меж баков орнитоптерного
топлива, а затем стрелой бросилась за
стойку

подъемного крана и выглянула из-за нее.
Сабила вновь был на ногах и принял боевую
стойку,

высоко, с вызовом подняв свой
импровизированный меч — Крусстан же
воздел

окровавленную руку и завыл. Вызов,
поражение, один меч, кровавая рука —
безвременный и

вечно обновляющийся цикл, нерушимый,

как превращение лета в зиму.

Они вновь сошлись в схватке, когда Джанн побежала по краю посадочной площадки —

Сабила двигался стремительно и отточено, даже несмотря на то, что его тонкие руки

грозили от изнеможения, Крусстан же отбивался, и в его движениях сквозила дикая, яростная

грация хищника. Теперь Джанн могла видеть грубую фигуру, которая пресмыкалась и

супулилась позади Крусстана, пока тот ревел и атаковал. Хенг следовал за Крусстаном, как

тень, неуклюже сгибаясь, хватая пальцами воздух и ударяя кулаком и культей то туда, то сюда

в маниакальный унисон со столкновениями оружия. Всякий раз, когда Сабила падал и простирался на полу, Хенг издавал визгливый, пронзительный стех, который заставлял

Джанн глубже забиться в укрытие. Она

знала, что произойдет, если Хенг повернет свое

(но теперь я знаю, чье на самом деле это) лицо к ней и посмотрит на нее. Он узнает ее имя, он опознает ее, захихикает и окликнет, и с

того дня каждый путь, на который она ступит, будет вести вниз, и каждый день тени будут

придвигаться к ней все ближе, и ночь придет, скользя мягкой, как бархат, чешуей. В

последние мгновения, прежде чем ей удалось оторвать взгляд и снова поползти прочь, Джанн

увидела, что Хенг тоже ранил себя. Его толстые оголенные предплечья были испещрены

кровопогтеками, изборозжены там, где он вонзал ногти в собственную кожу, и следы зубов

виднелись на плоти его запястья под культей, оставшейся там, где Крусстан отрубил ему

кисть. Это задело струну понимания
внутри нее, пустило в разуме волну
узнавания, словно

звон серебряной музыки ветра; но
некоторые раны кровоточили, и это было
неправильно ---

настолько же неправильно, насколько
правильной была вечно обновляющаяся
битва между

Круссаном и Сабиллой. Дрожа, Джанни
прокралась к крану.

Оно было там. Лицо, которого они еще не
видели. Она была уверена, что в нем был
ответ.

Теперь в ее разуме всплыло половинчатое
воспоминание о нем, похожее на теплый
свет

солнца и голос ее дед, мягкие, не
имеющие значения слова утешения для
маленькой

заплаканной девочки, которая поцарапала
ногу. Она знала, что оно должно быть
здесь. Она

могла чувствовать его.

Крусстан снова взвыл позади нее, и с его
воет стесались два гругих -- крик
неподдельной

боли Сабилы и вопль злобного
разочарования Хенга. Все, чего хотел
Крусстан, -- это

завершить жизнь Сабилы, ибо всем, что
понимала натура Крусмана, было
завершение, но

каким-то образом все трое осознавали,
что такой конец был бы плох, он бы бросил
их всех на

произвол судьбы. Джанн знала причину, но
едва ли могла бы поведать ит ее, даже
если бы у

них оставалось достаточно разума,
чтобы выслушать. Эта мудрость была ее,
а не их, и это

тоже было частью цикла. Под ее руками
оказались неровные перекладины лестницы
подъемного крана, и она с крахтением
подтянулась. Ее рефлексы как будто
принадлежали

кому-то другому, старше, чем она, но

легче — легкому, как лунный свет.

Джани тяжело вздохнула, добравшись до транспорта и положив на него руки. Ей было

печально смотреть на столь униженную машину, как будто она глядела на красивую

рассветную птицу, съжившуюся на земле с покаленным крылом, и в душе она оплакивала

ее, несмотря на то, что странное ощущение, исходящее от корпуса, отталкивало ее кожу. Она

провела пальцами по высокому выступу спинки, по отделениям, разорванным и уродливыми

металлическими руками, и нашла последние два, те, в которые они не смогли пробиться.

Пальцы дотронулись до них — и мысли как будто тоже коснулись. Она не могла сказать, что

помнила, как открывала их, или как думала о том, чтоб их открыть, или

воображала это, или

представляла во сне. Позади, на
посагочной площадке, Сабила вновь
закричал — это был

задыхающийся, предсмертный крик. Голос
Крусмана был сорван — его голосовые
связки

превратились в лохмотья; голос Хенга
был подобен кошачьему вою в ночи. Джанн
едва ли их

слышала. Здесь было спасение. Ее чувства
уже тянулись к голосу, который она
должна была

услышать. Голос солнца. Голос отца. Голос
короля.

Отделение раскрылось под ее пальцами.
Джанн ощутила рвотный позыв и
закричала, осознав,

что она не мертва, но проклята,
отравлена, изъедена, осквернена. Все, что
оставалось от нее,

сгнуло в один миг. Тело словно утратило
силу, лишилось костей. Она мешком осела
вниз и

упала бы, если бы ее тѣловище не
застрыло между двѣхъ балокъ.

Джани ощутила невероятное желаніе и
бесконечное презрѣніе. Она была
парализована и

тѣломъ, и разумомъ, и лишь
всепронизывающій страхъ рѣшился
наскладомъ на нее. Лицо на дне

отделения удерживало ее, пронзало ее
насквозь, какъ будто она была стрекозой,
насажденной на

тонкое жало. Она даже не могла ощутить
въ немъ усиленіе или волю -- что-то въ ней
самой делало

ее беспомощнымъ передъ нимъ и крепко
удерживало на мѣстѣ. Слезы наполнили ее
глаза, зрѣніе

раздвоилось и потемнѣло. Это не помогло.
Хватка этого лица на ее разумѣ не
исчезла --

холодная, какъ железо, прочная, какъ шелкъ.
Только когда она окончательно потеряла
равновѣсіе

и упала на металлическій настилъ у

основания крана, расстояние увеличилось и
ослабило его
власть.

Все еще полележа на полу, Джанни
дотянулась до опоры, чтобы попытаться
встать на ноги.

Она не знала, что делать, не могла
придумать подходящих слов или плана.
Образ того

чуждесного голоса и прикосновения солнца
на плечах — он ушел, исчез без следа в
бездне,

открывшейся перед ее разумом. Пытаясь
увеличить дистанцию между собой и
ужасающей,

всепоглощающей тишиной, что как будто
изливалась из-под поднятой крышки, она
заставила

себя встать на колени и начала двигаться
назад, к посадочной площадке. Что бы с ней
ни

сделал Круссман, она бы приняла это
почти с благодарностью. Все, что угодно,
лишь бы

избавиться от памяти об этом лице.

Она остановилась, когда увидела, как они вышли из теней.

Шестеро из них сформировали полукруг, который стремительно приблизился к Крүссману. В

то время как усталость брала верх над водителем, и он начал шататься, делая то один, то

другой неверный шаг, шестерка двигалась с волнообразной легкостью -- шаг вперед, шаг

назад -- ни разу не разбив свой порядок. Кровожадный рев Крүссмана теперь был не более

чем гребезжащий стонот, но в нем еще оставалось достаточно ярости, чтобы управлять

мышцами: он воздел резак, готовый вогнать его в череп Сабилы, что лежал, утирая, у его ног.

Возможно, он не видел этих фигур. Возможно, ему не было до них дела. В любом случае, он

ничего не мог сделать. Полукруг
разомкнулся, три искрящихся фигуры
летнулись в одну

сторону, три в грациозном унисоне — в
дугу, и в центре прохода, который они
образовали,

явилась другая фигура, скачущая и
кувыркающаяся в воздухе, закутанная в
оттенки красного и

ярко-золотого, что испускали искры и
брызги в ранних вечерних сумерках. Она
приземлилась

на кончики носков и закружилась в
пируэтах, завертелась колесом вокруг
грязного,

ослабевшего Крусстана. Фалды глинного
плаща взвились вокруг нее, превратившись
в синие,

пурпурные, серебряные, зеленые,
разлетающиеся во все стороны осколки и
тонетки света.

Высокий гребень серебристых волос — или
перьев, сложно было разобрать —
поднялся из

ее капюшона и опускался вниз между лопатками, и Джанн могла слышать тихий шелест, с которым тот метался из стороны в сторону.

Яркая фигура затерла в позе фехтовальщика над Сабиллой, и миг спустя ослепительные искры,

что вихрем крутились вокруг, слились с ней в одно целое. Джанн могла разглядеть ее

стройные конечности, увенчанный гребнем капюшон, очертания плаща и маски. Одна тонкая

рука была поднята, удерживая резак от смертельного удара. Она смутно осознала, что шестеро

других незнакомцев эхом повторяют эту позу с совершенной, гармоничной точностью.

Пришедший последним чужак на мгновение затер в этом положении, и внезапно его лицо, а

затем и все тело вспыхнули золотом,

испускающая глубокий, великолепный свет,
подобный свету

солнца, от которого сердце Джанн на миг
забилось сильнее от надежды, которую она
не могла

понять или описать. Но затем его цвета
потонули в черноте, пронизанной
скручивающимися

алыми прожилками, будто трещинами в
корке лавового потока, и его поднятая рука
мелькнула, сделав три кратких, точных
движения. В первый раз с тех пор, как
лица слотили

их всех, Крусстан как будто заговорил или
попытался заговорить — но теперь, со
столь

изящно вскрытым горлом, он не мог
вытолкнуть ни слова. Он рухнул котом,
ноги его

подогнулись, а руки распались на части
там, где их рассекла сияющая фигура.

Хенг, стена и напевая вполголоса,
попытался ползком убраться подальше от
убийцы

Крүссмана, и фигура распрямилась в свой
полный, пугающий рост, глядя ему вслед.
Его

товарищи приблизились, теперь двигаясь
низко, припадая к земле, почти что на
четырех

конечностях, и приглушив цвета, так
что, выстроившись по обеим сторонам от
своего

предводителя, они выглядели почти как
крылья, сотканные из тени. Джанн
наблюдала, как из

дымчато-серого их цвет превратился в
грязно-белый, как у старых костей, а лица
размылись и

превратились в маски визжащих старых
ведьм, вырывающиеся из-под грибов алых
волос.

Завывая, они двинулись вперед, по пятам
Хенга, схватили его за ноги и пригвоздили
их к

месту, схватили за запястья и также
пригвоздили, удерживая его, извивающегося
и

задыхающегося, пока предводитель
пришельцев, все еще закутанный в угольно-
черный и

дытно-красный, вновь не выбросил руку
вперед. На сей раз вместо искр света руку
окружали

пляшущие крапинки черноты, клубящиеся,
как частицы пепла, падающие вниз после
страшного пожара, и по мере того, как
дергалась рука, тело Хенга согрознулось,
закровоточило, умерло, выпустило еще
больше крови и наконец развалилось на
куски.

Маски, горе, безумие, смерти — от Джанн
уже мало что осталось, но где-то в руинах
ее

прежней все еще сохранялась жажда жизни
и способность ощущать страх. Она
поднялась на

ноги, повернулась, чтобы сбежать и
спрятаться, прежде чем они обратят на
нее внимание.

Оно стояло прямо за ней. Подняв глаза, она
встретилась взглядом с темнотой под его

капюшом.

В ней не было кошмара, которым была та простая маска. Темнота под глубокой складкой

ткани была костосом. Безучастностью. Ее глаза и разум не могли найти в ней точки опоры.

Джанн стояла, совершенно не двигаясь. Ее мышцы расслабились, словно понимая, что все это

наконец-то подходит к завершению.

Мантия существа в капюшоне зашелестела, когда оно сделало шаг к ней. Оно держало руки

перед собой, сложив под складками мантии на груди. Кисти рук были пятипалыми,

изящными, глинянее, чем у человека, и сейчас они поднимались, чтобы сдвинуть капюшон.

«Нет», — хотела сказать Джанн. Ничего, кроме «нет». Это было все, о чем она могла думать.

Но капюшон упал назад.

Джанн смотрела на свое собственное лицо, и оно заставило ее заплакать. Прекрасное девичье

лицо, приподнятое, чтобы наблюдать за белой луной, со священными кругами, сияющими на

коже. Одна из рук Джанн поползла вверх, недоумевающе оцупывая очертания ее собственного лица.

Затем лицо напротив начало изменяться. Оно растянулось, деформировалось. Оно стало

шаржем на само себя, преувеличенной карикатурой с гротескными глазами, скошенными

скулами, сужающимся подбородком и высоким лбом, которые пародировали черты

принадлежащего Джанн... ее собственного...

...лица.

Ее руки стиснулись по бокам головы. Фигура напротив не пошевелилась, но черты ее лица

вновь начали меняться. Теперь это было звериное лицо, торга животного-вредителя. Грубое, таращащееся, с неуклюжими, мясистыми чертами, тупыми глазами, дряблым ртом.

Отвратительное лицо. Чуждое лицо. Лицо, которое она носила всю свою жизнь.

Пальцы Джанн принялись за работу. Она вонзила их в себя, пустив кровь грязными, обломанными ногтями. Нащупала потную, неровную кожу, на которой пальцы скользили, и

гладкую, холодную кожу, которую не узнавало ее осязание. Впилась в нее и сдавила, и яркая

волна безумия рассекла ее изнутри. Пальцы словно проникли в самую плоть, и она

чувствовала, как череп беззвучно разделяется на куски. Мысли клубились и кружились, вихрем

вылетая из нее в прохладный воздух, как кометы. Она чувствовала, что

раскалывается,

распадается на части. Было ощущение трескающихся костей, разрываемых тканей, но не было

ни звука, ни крови, ни физической боли.

Белая маска тихо упала к ее ногам.

И теперь не осталось чувства родства с этими чужаками, в них больше не было ничего

знакомтого. Воняло кровью и потрохами оттуда, где мертвым лежал бедный, любезный,

неторопливый Хенг, и разрубленное на куски тело вечно торгающего Крусмана, а она стояла

здесь --- и как ее теперь звали? Как ее звали?

Она согрознулась и упала назад, перекатилась, по чистой случайности вновь оказалась на

ногах и побежала, визжа и воя, без единой сохранившейся крупницы разума. Она бежала, и в

ней не было ничего, кроме милосердной,

ревущей, совершенной пустоты, и без унес
ее прочь

от пришельцев, прочь от подъяемого
крана, к самому краю крыши. Перила были
невысоки, и

она налетела прямо на них.

Джани все еще дергала конечностями в
полете, пытаясь убежать, но он глглся
лишь секунду,

прежде чем его прервала утомленная
земля у подножия башни.

Тихо, без спешки, они собрались на крыше.
Они прошли вверх через убогие,
неряшливые

помещения, где жили животные. Они
гвгались процессией, высоко и угловато
поднимая

ноги, будто яркие птицы, бредущие по
воде, гвгаясь в точной
последовательности поз,

одновременно осторожных и полностью
расслабленных. В полутраке мягко
поблескивали их

разноцветные одежды и маски. Никто

ничего не говорил.

Они сделали круг по крыше, потом круг стал спиралью, ведущей их в центр, а затем они

разбили спираль и разошлись узором, образующим огненную руну, руну утраченной славы и

мечты о возрождении; в ее перекрещении был Эаллех.

Эаллех нес в руках яркую маску, Маску Огня, лик Ваула. Эаллех изучал искусство создания

оружия, и тифы об искаленном боге кузни имели для него великое значение. Единственно

правильным было то, что именно он должен был забрать маску у Галларди, чей труп теперь

лежал возле тела Токүина, посреди затолкших машин.

В следующее мгновение трупная разъединилась и вновь собралась вокруг Люзаэль, которая

несла темно-зеленую маску, взятую с тела

погибшей под ее клинками Мерлок.
Люзаэль
преданно читала самые ранние, самые
искренние истории своего народа, истории
об отцах и
предках. Она уже овладела духом Уши,
исполнила ее роль, спела песни скорби и
выучила

затумсловаые ката клинков, которые
символизировали слезы Матери Урожая.
Теперь она
завершала изучение этих циклов историй
тем, что брала роль мужа Уши,
молчаливого

Курноуса, бога охоты, чей лик был
запечатлен в Маске Охотника,
заставившей Мерлок
красться по темным путям с копьем в
руке. За ней, двигаясь с прекрасной
синхронностью,

явилась Мелеху, что провела так много
времени за костяной маской, танцуя в
свите Нисшеи
как шут смерти. Настало время

уравновесить роль смерти ролью
дарительницы жизни ---

мостом в нее для Мелеху была священная
скорбь Уши, и поэтому она взяла
Плачущую Маску

у Клайда, лик богини урожая,
оплакивающей своего погибшего поборника
и потерянных
детей.

Вслед шуту смерти протанцевала
Нисшея, и брат ее Эгреах танцевал с ней.
Прежде, когда она

шла в танце огненных призраков вслед
Ваулү, он был ее зеркалом, водяным духом,
танцующим по следам Уши. Теперь, когда
оба они были избраны для более великих
ролей, он

вновь уравновешивал ее --- она приняла роль
Уши, а он стал Эльданешем, величайшим
героем

смертных эльдар, воителем, которому
улыбалась Уша, который устремился на
битву с

кроваворуком Кхейном и встретил

предсказанную смерть. Искучено, элегантно,
ни разу не
нарушив всеобъемлющий ритм, Эгреах
опустился, подхватил Маску Героя с тела
Сабилы и с
гордостью поднял ее вверх. Другие, что
были до него, интерпретировали
Эльданеша как
обреченную жертву и даже как глупца, но
Эгреах почитал его как воина, чья отвага
была
возвеличена тем, как он погиб.
Щеагореш продолжал нести стражу над
трупами двух мон-ки, а остальные
разорвали круг и
вновь сошлись вокруг него, сливаясь с
теми членами трупы, что высоко
подняли
церемониальные маски -- каждый арлекин
подобрал подходящую маску и изменил
цвета
своего гатэди в соответствии с ней. В
считанные мгновения Маску Огня
окружило оранжевое

мерцание; Плачущую Маску --- нежный
золотисто-зеленый цвет рассвета над
садами; Маску

Охотника --- темные, сумеречные
оттенки зеленой луны, тотема Курноуса;
Маску Героя ---

яркое золото и серебро.

И явились другие, быстро взобравшись по
лестницам или высидившись из укрытых
завесами

воздушных саней, которые тихо заняли
места по краям здания. Когда Дэрес'тель
спустилась

по изогнутому носу своих саней и мягко
ступила на крышу, Шеагореш поднялся и
отступил

назад, приглушив свои цвета в согласии с
ее. На протяжении многих странствий
Дэрес'тель

танцевала по следам Эльданеша, находя
способы иначе интерпретировать его
историю в

каждой мистерии, которую они
разыгрывали, и в каждой войне, в которой

бились. Она учила

саги об Эльданеше под руководством
Утеомтеля, Великого Арлекина ее старей-
трюны,

который пал от рук зеленых тварей под
лесными шпильми Тоурилла; она взяла
частицу его

имени, чтобы продолжать его историю.
Со времени той войны ее дух отрачился. Ее
выступления стали грубее, в них сквозил
гнев. Лишь на последнем привале трюны
она

подошла к Шеагорешу и формально
отказалась от Маски Героя. Теперь для
нее настала пора

взять новую роль, отразить историю ее
жизни под новым углом.

Шеагореш поклонился, когда она прошла
вперед, беззвучно, двигаясь так, как будто
она уже

была в доспехах, и склонилась к трюну
Круссмана. Она вновь выпрямилась, держа в
руках

Маску Крови, ощерившееся лицо Каэла

Менша Кхейна, Бога с Окровавленными
Руками,

повелителя убийств, чья ярость
пронеслась через небеса, погубив Эльданеша
и приковав

искалеченного и обессиленного Ваула к его
наковальне. В тишине и безмолвии она
унесла

маску прочь. При каждом представлении
тифические роли переходили от одних
членов

труппы к другим, но всегда был кто-то
один, превосходящий иных в какой-либо
роли,

определявший ее, и новое сердце в
изображении Кхейна означало перемены.

Шеагореш повернулся к основанию крана,
туда, где стояла Джанн, глядя на ту, что
была ему

ближе, чем могла быть любая любовница
или сестра. Умоэлль не взяла себе маску ---
будучи

Теневым Провидцем труппы, она носила
Зеркальную Маску, и будет носить ее до

самой

смерти. Однако, проходя рядом с ней, он
увидел, что Утоэльль подобрала Лунную
Маску с того

места, где ее уронил последний из воров-
животных. Это было лицо Лилеат, богини-
девы,

сновидицы и прорицательницы, чьи
символы — белая луна, посох, замкнутый
круг и музыка

ветра. Ее капюшон вновь был наброшен
вперед; проходя мимо, он мог видеть, как
на

Зеркальной Маске то высвечиваются, то
пропадают многие лица. Он знал, что, по
крайней

мере, одно из них будет его.

Не было никого, кто мог бы носить
Лунную Маску — пока еще не было.
Абхораан, которая

играла эту роль с тех пор, как много лет
назад присоединилась к труппе в драконьих
стениях,

была одной из тех, кто погиб, когда их

воздушные сани не смогли обогнать бурю.

Скоро они исполнят элегию в память
Абхораан и ее товарищей, и Шеагорешу
придется

решить, какую форму она примет, какое
представление, какие элементы они
почерпнут из

великих мифов, чтобы изобразить эту
трагедию и вплести ее в полотно своих
живых историй,

чтобы дать ей смысл и завершение. Это
была задача, от которой он не ждал
удовольствия, но

у каждого рассказа есть свои скорбные
песни и свои пляски триумфа, и тот
рассказ, которым

являлась его жизнь, не был исключением.

Вокруг него двигались силуэты. Его
арлекины прыжками поднимались на
потост и двигались

к потерпевшим крушение воздушным
саням, готовые по сигналу высвободить их,
чтобы

забрать с собой. Их цвета и лица

менялись, отражая те роли, которые
каждый арлекин

чувствовал нужным играть в этой задаче
и на этой сцене в повествовании его
собственной

жизни. Шеагореш поднял руку, призывая к
тишине, и их фигуры застыли, а цвета
приглушились.

Последнее запечатанное отделение
раскрылось, как цветок, от его
прикосновения, и он запел

глубокую, резонирующую песнь ---
единственную непрерывную ноту,
исходящую из глубин

его груди. Те, что были вокруг,
подхватили песнь, и их цвета ярко
вспыхнули в салюте, когда

он вынул Солнечную Маску, лицо
Азурiana, Короля-Феникса, Монарха Небес,
учителя шести

великих Лордов-Фениксов. Шеагореш взял
ее, подержал в обеих руках и медленно
шагнул

вниз с возвышения. Пояс включился по

велению мысли, и он почувствовал, как его
вес

полностью исчез; он вытянулся и
развернулся в падении, держа маску над
собой, и опустился

легче перышка на рокристовую
поверхность, преклонив одно колено,
опустив голову, но с

гордо расправленными плечами ---
одновременно присягая маске на верность и
утверждая

свое право на владение ей.

Он остался, где приземлился, приглушив
свои цвета и лишив лицо выражения.

Осталась лишь

одна маска, которую следовало забрать.

Все вокруг него преклонили колени. Цвета
исчезли, обратившись в черный и оттенки
серого,

лица словно утратили черты. Джетбайк ---
тускло-серый, как призрачная кость,
которой

придали форму, но не цвет, --- украшенный
лишь черной пеленой, окутывавшей его

хвостовую лопасть, поплыл к затершей в
толчании трунне, и с него спустилась
Шейл'элмен.

Ее лицо было в тени, как у Утоэлль, но, в
отличие от той, она не сделала ни
движения, чтобы

убрать свой жесткий, конусообразный
капюшон. С него каскадом ниспадали
волосы, черные,

как костос, и белые, как тратор, и
цепочки из белого серебра оплетали ее
руки и

свешивались, позванивая, с кончика
каждого пальца. Крылья из прозрачной
кости,

выступающие из ее плеч, уловили ветер,
раздался стонущий свист, от звука
которого каждый

арлекин содрогнулся и закрыл глаза.

Шейл'элмен не смотрела ни на одного из
них. Ее походка была ровной, а тратное
выражение

не менялось. Она шла с внимательным
спокойствием осужденного, идущего к

эшафоту. У

подножия крана она удлинила шаг в прыжок, и с помощью пояса, лишившего ее веса, взмыла

вверх и встала на поперечину рядом со вскрытым контейнером. Остальные арлекины

крутанулись на месте, показав ей спины, и она протянула руку внутрь и достала маску, на

которую лишь тельком взглянул последний тон-ки.

Эта маска не хмурилась и не скалилась, в ней не было искусных изменений размеров или черт

лица. Это был лик эльдар, образцовый, лишенный пола. В глазах не было выражения, не было

его и в очертаниях рта. Это было безликое лицо, более безликое, чем серые капюшоны,

которые надели на себя арлекины вокруг. Это было лицо, что могло прикрывать собой любой

коштар, который только мог
представить себе глядящий на него.

Шейл'элмен, Солитер, взяла Агскую
Маску и, как Шеагореи до нее, спрыгнула с
платформы;

плащ взвился за ней, бросив тень ужаса в
сердце каждого эльдар. Она приземлилась
напротив

Беликого Арлекина, и оба они шагнули
вперед, затанцевали и закружились
вместе, и ни один

из них не подавал виду, что признает
существование другого. Наполовину
завершив круг,

каждый оказался на том месте, где
момент назад был другой, и точно в один и
тот же миг они

подняли свои маски и надели их на себя.
Солнечная Маска и Агская маска, Азүриан
и

Слаанеш, два лика, которые роющиеся в
земле паразиты не испачкали своим
прикосновением.

Затем, стретительно, как тень,

Шейл'этмен исчезла --- одним прыжком
вскочив на свой

джетбайк, она стрелой пронеслась над
платформой и пропала в ночи; крылья за
ее спиной

пронзительно взвыли во встречном потоке
ветра. Тогда Шеагореш подскочил в
воздух,

запрокинув голову и широко расставив
руки. Явился свет --- прекрасное сияние,
источаемое

Солнечной Маской, разогнало тьму,
наполнило цвета арлекинов радостью и
жизнью, и те

начали резвиться и плясать.

В тот миг каждое изменчивое
голографическое лицо стало той маской,
которую они носили

под любой грудой --- Маской Арлекина,
Смеющегося бога Цегораха, обманщика,
что знает

секреты. Все лица были разными, ибо
каждый арлекин изображал его, ведущего в
великом

танце, по-своему, но, едва черты Цезораха
проступили на каждом из лиц, каждый
арлекин

разразился смехом. Кто-то издавал
грубый хохот простака, услышавшего
неуклюжую шутку,

кто-то — элегантный смехок принцессы,
любующейся проделками своего шута. Был
радостный смех облегчения от того, что
странник избежал беды, и смех
болезненный,

набрасывающий плащ веселья на
глубочайшее горе. Воздушные сани и
джетбайки сорвались с

мест и начали виться пересекающимися
кругами, и яркие смеющиеся фигуры
подскакивали

вверх, чтобы ухватиться и оседлать их,
оставляя за собой пестрые,
переливающиеся,

мозаичные следы в воздухе.

Смех зазвенел с вершины башни, как
колокола, и повис позади колонны
джетбайков и

воздушных саней, как струя, остающаяся
за кораблем. Далеко в пустоши, дальше,
чем

когда-либо заходили тон-ки, они
проскользнут в Паутину и вскоре будут
дышать ароматным

воздухом девственного мира, наполненным
запахами пряностей и цветов, танцевать
в теплой

воде на тонком коралловом песке, где
волны стеются под корнями мангровых
башен, а луны

пляшут и вращаются над головой.

Они будут оплакивать своих мертвых и
разыгрывать величайшие из легенд.
Сновидение

Лилеат, Покров Уши, Войну в Небесах,
Гибель Эльданеша, Падение. Рассказывая
истории,

они вновь освятят драгоценные
ритуальные маски, сердце трепны, и
затем снова отправятся в

путь, бродить от коралловых океанов до
великих, полных вздохов травяных морей.

Они

найдут лагерь своих сородичей,
прокрадутся меж их шатров и
привязанных драконов, поразят

и очаруют их тенью и слухом, а затем
явят себя, выйдут на свет и будут
танцевать для них.

Возможно, они расскажут одну из великих
историй, возможно, одну из меньших, а
возможно,

какую-то из самых юных -- о Поглотителе
или о звериных войнах у великих Брат.

А быть может, в этот раз их танец
расскажет новую историю. Историю о
бродягах и

путешественниках, чьи старые пути
распались, вынудив их покинуть безопасную
Паутину и

сделать быстрый, тайный переход через
мир похрустывающих дюн и кровавых,
безлунных

небес. Историю о чудовищной буре,
которую не смогли обогнать даже эти
легконогие

странники. Усторию о поиске того, что
забрала у них буря, того, что было ил
более дорого,

чем черты собственных лиц. Усторию об
уродливых выскочках-животных, которые
коснулись

того, что не должны были даже видеть,
усторию о наказанной дерзости,
справедливом

воздаянии за кражу, святотатстве,
обернувшись против себя же. Усторию о
том, как великие

легенды пытаются израть сами себя даже
через столь низменные подобия разума.

Такова сила легенд. Такова сила масок.
Это была история, которую Шеагореи
даже не мог

представить, когда покинул свою старую
труппу и создал новый набор великих
масок, чтобы

заложить основу для другой, но теперь,
когда они прожили ее, история была
частью их

собственной, и они будут рассказывать ее,

и толковать по-новому и танцевать для
себя и

для других все последующие годы.

Взвился ветер, пыльные облака и ночная
тьма опустили занавес над пустыней.

Тусклые

аварийные огни мерцали в коридорах
башни, контрольные счетчики искрились на
панели

управления, безответно кричала вокс-
тревога. Ничто не двигалось, и 347-ое юго-
восточное

Дено Обслуживания трубопровода
постепенно поглотила пустынная ночь.

...